

УДК 314.9

DOI: 10.31857/S268667300017541-5

Связь расовой идентичности и языка в американской идеологии

М. А. Марусенко

*Санкт-Петербургский государственный университет;
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
ORCID 0000-0002-0441-7845 mamikhail@yandex.ru*

Н. М. Марусенко

*Санкт-Петербургский государственный университет;
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48,
ORCID 0000-0002-3347-1373 e-mail: nmm.spb@gmail.com*

Резюме: В статье рассматриваются связи понятий расовой идентичности и языка в американской языковой идеологии, нагляднее всего отражающиеся в изменениях расовой классификации и сценариев переписей населения США. Расовая идентичность, культивируемая в США, является наследием гегемонической идеологии и подразумевает юридическое и социальное разделение людей, имеющих различия, на разные расы. Языковые идеологии повлияли на легитимацию расовых категорий и их встраивание в структуру американской идентичности. Дебаты вокруг иммиграции и предоставления гражданства сыграли ключевую роль в процессе оформления и переоформления американских рас. Использование связки язык – раса, традиционной для американской расовой и языковой идеологии XIX века и применяющей понятие материнского языка для идентификации рас, на практике оказалось затруднено из-за объективной трудности определения материнского языка человека. Параллельно с тем, как язык использовался в качестве индикатора расы, укреплялась связь между языком и национальной идентичностью, подкрепляемая трехчастной идеологической конструкцией «принадлежность к белой расе – английский язык – американская идентичность». Идеологическая связь между национальной идентичностью и англосаксонской расовой идентичностью привела к изменению иммиграционной политики и к призывам к ограничению иммиграции на расовой основе. В постоянно изменяющейся классификации рас язык неизменно составлял важный компонент индивидуальной идентичности и играл ключевую роль в формировании расовых категорий. Сегодня идеологической базой различий между группами являются не физические признаки, а культурные характеристики. Этот переход привел к появлению нового дискурса маргинализации: ответственность за социально-экономическое угнетение возлагается на самих угнетенных, якобы не желающих принимать культурные ценности и поведение, которые ведут к социальному и экономическому успеху.

Ключевые слова: язык, раса, расовая категория, национальная идентичность, расовая идентичность, материнский язык

Для цитирования: Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Связь расовой идентичности и языка в американской идеологии. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2021; 51(12):61-75. DOI: 10.31857/S268667300017541-5

The Relationship of Racial Identity and Language in American Ideology

Mikhail A. Marusenko

St-Petersburg State University; Herten State Pedagogical University of Russia.

48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia

ORCID 0000-0002-0441-7845 mamikhail@yandex.ru.

Natalia M. Marusenko

St-Petersburg State University; Herten State Pedagogical University of Russia.

48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia

ORCID 0000-0002-3347-1373 nmm.spb@gmail.com

Abstract: The article examines the relationship between the concepts of racial identity and language in the American linguistic ideology, which are most clearly reflected in the changes in the racial classification and scenarios of the US census. Racial identity cultivated in the United States is a legacy of hegemonic ideology and implies the legal and social division of people with differences into different races. Linguistic ideologies have influenced the legitimization of racial categories and their integration into the structure of American identity. The immigration and citizenship debate has played a key role in the formalization and re-formalization of American races. The use of the language-race ligament, traditional for the American racial and linguistic ideology of the 19th century and using the concept of the mother language to identify races, in practice turned out to be difficult due to the objective difficulty of determining the mother language of a person. In parallel with the use of language as an indicator of race, the connection between language and national identity was strengthened, reinforced by the three-part ideological construct “White race – English language – American identity”. The ideological link between national identity and Anglo-Saxon racial identity has led to changes in immigration policy and calls for racial restrictions on immigration. In the ever-changing classification of races, language has invariably been an important component of individual identity and has played a key role in shaping racial categories. Today, the ideological basis for differences between groups is not physical, but cultural characteristics. This transition led to the emergence of a new discourse of marginalization: the responsibility for socioeconomic oppression rests with the oppressed themselves, ostensibly unwilling to accept the cultural values and behaviors that lead to social and economic success.

Keywords: language, race, racial category, national identity, racial identity, mother tongue, immigration.

For citation: Marusenko M.A., Marusenko N.M. The relationship of racial identity and language in American ideology. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2021; 51(12): 61-75. DOI: 10.31857/S268667300017541-5

ВВЕДЕНИЕ

Игнорирование роли языка и языковых идеологий не позволяло достаточно глубоко изучать важный вид идентичности – расовую идентичность, которая отражает гегемоническую идеологию и подразумевает юридическое и социальное разделение людей, имеющих различия, на разные расы [Марусенко М.А.,

Марусенко Н.М. 2019:5-21]. Именно языковые идеологии повлияли на легитимацию расовых категорий и их встраивание в структуру американской идентичности. Дебаты вокруг иммиграции и предоставления гражданства сыграли ключевую роль в процессе оформления и переоформления американских рас. Языковые вопросы всегда были в центре дискуссий об изменениях языковой политики, о моделях иммиграции и нативизме, а также об эволюции понятия расы. В американских переписях населения язык всегда использовался как расовая переменная и как инструмент, позволяющий делить на расы носителей языков (кроме английского), рассматривая их как существенно отличающихся и угрожающих культурной и национальной идентичности США.

Термины «раса» и «этничность» употребляются для обозначения различий между людьми и группами, а также для определения расстояния от доминирующей, часто немаркированной, группы. Однако виды различий, которые они обозначают, не идентичны: исторически, раса включает различия, имеющие физическую, наследственную и неизменную природу, тогда как этничность понимается как культурное различие, обычно передающееся от поколения к поколению, но могущее меняться с течением времени. Если расовый дискурс описывает некоторые группы как существенно отличные и опасные, этнический дискурс относится к ним как к безопасным и даже колоритным [Urcioli B. 1996: 47].

Хотя понятие расы идеологически строилось как фиксированная объективная сущность, исторически оно связано с гибким компонентом социальной идентичности, что доказывают свидетельства о смене расовой принадлежности в зависимости от смены гегемонических представлений о национальной идентичности и принадлежности, вызывающих изменения восприятия разных групп в обществе [Urcioli B. 1996:112].

Последнее подтверждение – это отнесение иммигрантов-славян в США к расовой категории цветных, на том основании, что представители славянских народов плохо учатся, реже получают высшее образование и быстро размножаются. К цветным учёные также причислили итальянцев, поляков и ирландцев. Они отметили, что у всех этих народов на территории США одинаковые проблемы, в частности, они сталкиваются с дискриминацией, испытывают трудности с работой и учёбой, а также страдают от незащищённости в социальной сфере. Основная причина дискриминации – недостаточное знание английского языка [Curry-Stevence A. 2014]. Кстати, армяне в США уже давно относятся к категории цветных, несмотря на то что вся белая раса именуется там кавказской.

Признание того, что раса, в основном, является социальным конструктом, имеет далеко идущие материальные и социальные последствия. В США раса идеологически была связана с цветом кожи, а исторически она служила базой для оценки социального достоинства человека, а также для официальной политики, наделяющей или лишаящей конкретных юридических, политических и имущественных прав. Первоначальное расовое деление в США было построено на противопоставлении белых и небелых групп, а различия внутри группы, сегодня классифицируемой как белые, также носили расовый характер. Однако

расовые различия внутри белой группы считались менее важными и устойчивыми, чем между белыми и другими группами.

ЯЗЫК И РАСА

Начиная с первой переписи 1790 г., все американские переписи включали вопросы о расе или цвете кожи, что указывает на важность расы как социальной категории. Вопросы о языке появились только в конце XIX века. Их формулировка постоянно менялась, и задавались они разным категориям населения. Поскольку язык связан с расой и национальной идентичностью, то в переписях вопросы о расе, этничности и национальности включались наряду с вопросами о языке.

Раса, определяемая по цвету кожи, была главной социальной и политической характеристикой, тесно связанной со всеми аспектами жизни США. Расовое мышление, идеологически связывающее американский экспансионизм с доктриной расового превосходства англосаксов, не было доминирующей идеологией до первой половины XIX века. Язык не считался определяющей характеристикой новой нации, несмотря на то что с колониального периода в стране существовали два направления языковой идеологии: одно делало акцент на языковой однородности и на связи языка с национальной идентичностью, другое признавало языковое разнообразие. Первое направление ясно просматривается в письме американского президента Т. Рузвельта, написанном в 1919 г. его преемнику: «Прежде всего, мы должны настаивать на том, чтобы иммигранты, приехавшие сюда с честными намерениями, стали американцами и ассимилировались с нами; тогда с ними будут обращаться наравне со всеми другими, иначе для них существует опасность дискриминации из-за их религии, места рождения или происхождения... У нас есть место для одного флага, и это американский флаг... У нас есть место для одного языка, и это английский язык... и у нас есть место только для одной лояльности, и это лояльность по отношению к американскому народу» [2]. В то время американская интеллектуальная мысль пыталась связать американскую идентичность с идеалами демократии и прогресса [Leeman J. 2004: 513-514].

Относительно малое значение языка в американском национальном строительстве отражается в отсутствии языковых вопросов в переписях в течение большей части XIX века. В то время существовали государственные двуязычные школы, и некоторые штаты вели обучение на немецком, французском и испанском языках. Это не означает, что двуязычие и языковое разнообразие признавались ценностями: язык считался частным делом и вообще не принимался во внимание, кроме как в качестве социального и политического индикатора расы [Pavlenko A. 2002: 163-196]. Если к иммигрантским, в первую очередь, европейским, языкам отношение было толерантным, то против языков коренных американцев велась организованная кампания по декультурации, включая политику, направленную на уничтожение этих языков.

В первой половине XIX века расовая идеология в США была на подъеме, и «ползучий расизм» пропитывал весь публичный дискурс американского терри-

ториального экспансионизма. Идеологическая связь американской идентичности с декларируемым превосходством белой расы сопровождалась ростом интереса к евгенике. Учёные, работающие в парадигме научного расизма, лоббировали и добились включения в перепись 1850 г. категории *Мулаты*, а в последующие периоды были добавлены дополнительные категории. Таким образом, в перепись 1890 г. были включены следующие расовые категории: *Белые*, *Чёрные*, *Мулаты*, *Квартероны* и *Октороны*, а также *Китайцы*, *Японцы* и *Индейцы*.

Идеологическая связь между национальной идентичностью и англосаксонской расовой идентичностью привела к изменению иммиграционной политики и к призывам к ограничению иммиграции на расовой основе. До этого антииммигрантские выпады были направлены, в основном, против католиков и обусловлены поисками корней американской политики в англосаксонских традициях и политических институтах. В середине XIX века произошёл перелом: в отношении к группам европейских иммигрантов стал также практиковаться расовый подход, а не подход, основанный на национальных, культурных или политических традициях.

Независимо от их подозрительного расового статуса, иммигранты из стран Южной и Восточной Европы стали относиться к *Белым*, но в перепись 1850 г. был добавлен вопрос о месте рождения. В 1870 г. была добавлена категория *Китайцы*, а с ней вопрос о месте рождения родителей. Дети иммигрантов из Европы считались отдельной категорией, а их внуки уже включались в категорию коренного белого населения. Такой подход к переписям отражал двухступенчатую структуру социально-политической иерархии, в которой дихотомия *Белый/Небелый* неизменно переходила из поколения в поколение и имела большее значение, чем различия между *Белыми*, которые исчезали со второго поколения.

В это же время в общественном сознании стала укрепляться мысль о связи американской идентичности с английским языком. Хотя ещё в колониальный период высказывались соображения о связи английского языка с американским гражданством, только в конце XIX века США стали осознавать себя англоязычной нацией. До этого «способность к самоуправлению» признавалась только за представителями белой расы, но в 1906 г. был принят первый федеральный закон, требующий знания английского для получения гражданства [1998, Jacobson M.: 243]. О возрастающей роли английского свидетельствует и появление первого языкового вопроса в переписях 1890 и 1900 гг. Переписчики должны были фиксировать, говорят ли респонденты на английском или могут только понимать его. На пороге XX века организаторы переписей отдавали приоритет численности резидентов (иммигрантов и коренного населения), не говорящих по-английски, а не идентификации языков, на которых говорили не говорящие по-английски.

Данные, полученные после обработки результатов переписи 1890 г., содержали информацию о расе, месте рождения и языке в свете растущего значения противопоставления *Белый/Небелый*. Для *Белых* владение английским определялось по месту рождения. Ответ на вопрос о месте рождения имел три варианта: 1) коренной от коренных родителей, 2) коренной от родителей-иммигрантов,

3) иммигрант. Напротив, для *Небелых* этот вопрос отсутствовал. Таким образом, для *Белых* распределение по месту рождения представляло континуум национальной принадлежности, который мог применяться для оценки степени ассимиляции, тогда как небелые считались неассимилируемыми и иностранцами независимо от места рождения [2004, Leeman J.: 513].

На грани XIX–XX веков произошли изменения иммиграционной политики, вызванные ростом потока иммигрантов из стран Южной и Восточной Европы и подъёмом антииммигрантских настроений. Под влиянием евгенических исследований нативисты рассматривали различия между недавними иммигрантами и коренными белыми как расовые, включая ссылки на физические отличия вновь прибывающих. Поскольку язык традиционно идеологически связывался с национальной идентичностью, формирование национальной идентичности как имеющей расовый, политический и культурный характер закрепило за языком роль индикатора расы. Эта связь расы и языка чётко прослеживается в публикациях официальных лиц, журналистов и лингвистов о том, что иммиграция представляет опасность для нации и ведёт к расовой и языковой катастрофе [Bonfiglio P. 2002].

Связка язык – раса постоянно фигурировала в официальных публикациях. Так, в Докладе сенатской комиссии по иммиграции сравнивались экономический успех различных иммигрантских групп и степень их ассимиляции. Этот доклад из сорока двух томов включал всеобъемлющий «Словарь рас и народов», применяющий двухуровневую классификацию народов мира. На первом уровне на основе физических и соматических критериев выделялись пять «великих рас» или «больших делений человечества»: *Белые, Черные, Желтые, Коричневые* и *Красные*. На втором уровне с помощью языковых критериев большие расы делились на более мелкие. В докладе описываются многие характерные черты каждой группы: форма и размер головы, тип тела, черты лица, а также моральные и интеллектуальные качества. Язык рассматривался как идеологический атрибут расы, наследуемая физическая характеристика, определяющая социальную ценность человека.

На основе данных переписи комиссия пришла к заключению, что «новые» иммигранты из стран Южной и Восточной Европы менее желательны, чем «старые» иммигранты из Северной Европы, и рекомендовала ввести ограничения на иммиграцию [6].

ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Параллельно с тем, как язык использовался в качестве индикатора расы, укреплялась связь между языком и национальной идентичностью, подкрепляемая трёхчастной идеологической конструкцией «принадлежность к белой расе – английский язык – американская идентичность». Движение за американизацию, в котором участвовали гражданские организации, бизнес, работодатели и местные советы по образованию, требовали обязательного обучения иммигрантов

английскому и основам гражданственности, что ещё больше усиливало идеологическую связь языка и национальной идентичности.

Поскольку английский стал тесно связан с лояльностью Соединённым Штатам, толерантность по отношению к многоязычию начала исчезать. «Американцы с дефисом» (итало-американцы, испано-американцы и т. д.) и те, кто поддерживал культурные, политические или языковые связи с другой страной, считались неполноценными американцами и находились под подозрением. Считалось, что, выучив английский язык, человек должен прекратить говорить на другом языке. В результате, на пороге XX века обязательное образование всё больше осуществлялось только на английском, а некоторые штаты даже запрещали обучение на других языках. Накануне Первой мировой войны почтовое законодательство запретило периодические издания на других языках. Английский с иностранным акцентом стал признаком потенциальной нелояльности американскому государству.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МАТЕРИНСКОГО ЯЗЫКА ЧЕЛОВЕКА

В 1910 г. американский Сенат принял поправку к 13-му закону «О переписи», гласившую, что население, родившееся за границей, должно классифицироваться по расам [6]. С тех пор в переписи включаются вопросы о материнском языке резидентов, родившихся за границей или от родителей, родившихся за границей, которые должны были указывать материнский язык каждого из родителей. Материнский язык использовался как чисто расовый индикатор: «Как индикатор расового характера и происхождения, материнский язык имеет большее значение, чем обычно придаётся языку, на котором говорит человек» [3].

Однако при всей кажущейся простоте определение материнского языка человека представляет собой сложную проблему. Для всех определений, касающихся людей, приходится принимать решение относительно того, какое из них является пригодным. Существуют два типа определений: *эндоопределения* – это те, которые люди сами дают для понятий «свой язык» или «свой материнский язык», и *экзоопределения* – это определения тех же понятий, которые дают другие (государственные чиновники, переписчики, юристы, школьные администраторы, учёные и т. д.).

Наиболее употребительные определения материнского языка

Критерий	Определение
Происхождение	Язык, выученный первым
Идентификация: внутренняя (собственная) внешняя (другими)	Язык, с которым человек самоидентифицируется Язык, с которым другие идентифицируют человека как носителя от рождения
Компетенции	Язык, который человек знает лучше всего
Функция	Язык, который человек использует чаще всего

Scutnabb-Kangass T. 2010: 33-34.

К таблице необходимо сделать несколько пояснений:

- 1) Один человек может иметь несколько материнских языков, в зависимости от того, какое определение из таблицы применяется;
- 2) Материнский язык человека может меняться, даже несколько раз в течение жизни человека, в соответствии с определениями из табл. (кроме определения по происхождению);
- 3) Человек может иметь несколько материнских языков, особенно с учётом определений по происхождению и по идентификации, а также и по другим критериям;
- 4) Определения материнского языка могут образовывать иерархическую структуру в соответствии со степенью их значения для языковых прав человека. Степень их важности в обществе может определяться по тому, какие из них, эксплицитно или имплицитно, используются обществом в его институтах.

Для языковых сообществ, образующих большинство в своих странах, все определения сходятся: они первым изучают национальный язык, самоидентифицируются с этим языком, идентифицируются другими как носители этого языка от рождения и знают этот язык лучше и используют чаще всего. Поэтому для них может использоваться комбинация всех определений.

Что касается членов миноритарных групп, живущих в странах, где доминирует мажоритарный или бывший колониальный язык, этот доминирующий язык обычно становится их самым употребительным в большинстве формальных (а часто и неформальных) сфер коммуникации. Поэтому к ним можно было бы применять определение материнского языка по функции (самый используемый язык), пока они сами добровольно не выбрали доминирующий. Условное наклонение в данном случае вызвано тем, что определение по функции нарушает языковые права человека, в частности, право на свободный выбор материнского языка, то есть на эндоопределение.

Для носителей миноритарных языков оптимальным является сочетание определений материнского языка по происхождению и по внутренней идентификации: материнский – это язык(и), выученный(ые) первым(и), с которым(и) человек самоидентифицируется.

При обработке данных переписи резиденты, чьи родители родились за границей, классифицировались по материнскому языку своих родителей, который считался наследственной характеристикой, передаваемой от поколения к поколению, независимо от реально используемого языка. Классификация языков в переписях устанавливалась на основе гегемонических представлений о расе, а не научных лингвистических критериев. Так, английский и кельтский языки были объединены в одну рубрику, вместе с идишем и ивритом. Данные по материнскому языку собирались только для белых, родившихся за границей.

ЯЗЫКОВЫЕ ВОПРОСЫ В АМЕРИКАНСКИХ ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ В XX ВЕКЕ

В начале XX века данные переписей использовались нативистами, которые считали иммигрантов неспособными к ассимиляции и опасными для общества.

В свою очередь, обработчики данных объясняли владение английским, с точки зрения антииммиграционных активистов: компетенции в английском у иммигрантов коррелируют с длительностью проживания в США; так как квоты для иммигрантов растут, всё большую долю среди них составляют вновь прибывшие, что ведёт к понижению значений индексов владения английским. Но Бюро переписи населения концентрируется на национальном происхождении: «Быстрый рост не говорящих по-английски среди белых, родившихся за границей, ведёт к значительным социальным последствиям» [3].

Организаторы американских переписей придерживались эссенциалистской точки зрения на язык и использовали его как индикатор расы, встроенный в гегемоническую двухступенчатую идеологию расовой иерархии. Цвет кожи и язык применялись для определения расы и ассоциировались с политической, юридической и социальной маргинализацией. Эти два типа расовых отличий связывались с физическими характеристиками и считались наследуемыми, однако только цвет кожи рассматривался как постоянный трансгенерационный признак. В отличие от него, язык считался полупостоянной характеристикой, которая могла «улучшаться» в будущих поколениях.

После переписи 1920 г. Нью-Йоркский департамент образования получил разрешение и федеральное финансирование для составления списков людей, зарегистрированных в переписи как неграмотные или не говорящие по-английски. Эти списки передавались в местные образовательные округа для направления таких людей в вечерние школы и курсы по американизации. Таким образом, переписи не только утверждали значение категорий языка и расы для определения национальной идентичности и количественной оценки доли полноценных граждан, но использовались для оказания давления на тех, кто был обязан разделить эту американскую идентичность.

В середине XX века, после нескольких десятилетий ограничений иммиграции концепция белой расы ещё более консолидировалась, хотя различия внутри этой группы стали интерпретироваться не как расовые, а как этнические. Тем не менее, принадлежность к белой расе оставалась неотъемлемой частью американской идентичности. Что касается южно- и восточноевропейской идентичностей, то во второй половине XX века они трансформировались, совершив переход на английский язык, что ещё более усилило идеологическую связь между английским и американской идентичностью. Хотя иерархия отличий в целом сохранилась, двухступенчатая конструкция претерпела изменение. Дихотомия *Белый/Небелый* продолжала сохранять свой физический характер, а различия внутри белой группы интерпретировались как культурные или поведенческие. Но в это противопоставление была добавлена третья ступень – *Латиносы*, которые рассматривались не только как расовая или этническая, но, одновременно, как наследуемая и культурная категория.

Хотя по Договору Гваделупе-Идальго 1848 г. мексиканцы получили гражданские права и гражданство, а также «почётную принадлежность к белой расе» в результате аннексии Соединёнными Штатами юго-западных территорий Мекси-

ки. Многие мексиканцы и амеро-мексиканцы имели смешанное испано-индейское происхождение и являлись объектом насмешек и дискриминации. Учитывая связь между языком и расой, испаноговорящие мексиканцы и амеро-мексиканцы были отнесены к категории *Мексиканцы*, в расовом отношении более низкой, чем англоязычные *Белые*. В период высокой безработицы 1930-х и 1950-х годов большое число иммигрантов и родившихся в США американских граждан мексиканского происхождения были репатриированы в Мексику. Эти массовые депортации свидетельствуют о том, что люди мексиканского происхождения не считались полноценными американскими гражданами, а их расовая идентичность определялась по комбинации фенотипа, языка и культуры [Leeman J. 2004].

В переписи 1920 г. к расовой категории *Мексиканцы* были отнесены «все люди, родившиеся в Мексике или имеющие родителей, родившихся в Мексике, которые окончательно не относятся ни к *Белым*, ни к *Чёрным*, ни к *Индейцам*, ни к *Китайцам*, ни к *Японцам*» [5]. Нужно отметить, что определение мексиканской расы не включало родившихся в США внуков людей, родившихся в Мексике. Таким образом, люди, не имевшие статус белых, могли иметь потомков, относящихся к группе белых.

Это продолжалось до переписи 1940 г., когда категория *Мексиканцы* была упразднена, и переписчики получили инструкцию записывать всех мексиканцев *Белыми*. Тем не менее, в общественном мнении мексиканцы, амеро-мексиканцы и остальные *Латиносы* рассматривались как *Небелые*, как *Смешанная раса* или как *Коричневые* [Rodrigues C. 2000: 230]. Одновременно с упразднением категории *Мексиканцы* был изменён вопрос о материнском языке, который до этого задавался только людям, родившимся за границей, и их детям. Теперь он включался в 5%-ую выборку независимо от места рождения респондента, распространяя, таким образом, разделение по языку на белых со второго поколения. Это позволило при обработке данных сформировать категорию *Белое население с материнским испанским языком*, которая позднее стала называться *Население испанского происхождения*. Как и прежде, язык использовался как маркер отличий, но уже по материнскому языку внутри белой группы, а другие расы могли спокойно говорить на любом языке.

В этот период произошёл очень важный сдвиг: материнский язык перестал рассматриваться как наследуемая характеристика, и впервые Бюро переписи не стало назначать детям, родившимся в США, материнский язык их родителей. В 1940 г. из переписного листа был удалён вопрос о владении английским языком, так как за предыдущие 20 лет число иммигрантов резко сократилось.

В переписи 1950 г. из-за протестов против расовой дискриминации населения, усилившихся в послевоенный период, *языковые вопросы* были вообще исключены. Но для определения численности испаноязычного населения Бюро переписи нашло оригинальный способ: численность *Латиносов* определялась по «испанским фамилиям». В 1960 г. вопрос о материнском языке родившихся за границей был восстановлен, а численность людей испанского происхождения определялась комбинированным способом: по материнскому языку, фамилии и месту рождения. В разных штатах использовались разные методы подсчёта, сви-

детельствующие о разных идеологических подходах и приводившие к включению или исключению из этой категории разных групп населения.

В 1970 г. впервые за всю историю американских переписей вопрос о материнском языке задавали всему населению США. Учитывая сложные процессы ассимиляции иммигрантов и смену ими этнических языков на английский, вопрос о языке задавался не в форме *Владение английским*, как в переписях 1940–1970 гг., а в форме *Изучение английского как первого языка*, что позволило включить все группы белых в немаркированное население США.

Резкие изменения в расовой и этнической политике, происходившие в 1960-е годы, привели к тому, что у демографов и в значительной степени у широкой публики стало складываться понимание того, что раса – это не столько объективный, поддающийся количественной оценке факт, сколько социальный конструкт. Миноритарные группы стали пользоваться результатами подсчётов, предоставляемых органами статистики, для улучшения своего положения в области занятости, образования, голосования и экономической дискриминации. Лидеры *Латиносов* стали требовать улучшения сбора данных, потому что занижение численности их группы работало против их интересов. Учитывая невозможность объективно определять испанское происхождение, Бюро переписи ввело новый вопрос о самоидентификации в перепись 1970 г., который без изменений включался в последующие десятилетние переписи. С официальной точки зрения, испанское происхождение – это больше не расовая идентичность, потому что люди испанского происхождения могут быть любой расы. По результатам переписи 1970 г., те, кто указал испанское происхождение и самоидентифицировался как *Другая раса*, были официально отнесены к *Белым* [1].

Несмотря на явное признание того, что испанское происхождение больше не является расовой категорией, Бюро переписи, поддавшись доминирующему предрассудку, продолжило считать его постоянным маркером идентичности, передающимся из поколения в поколение без ограничения длительности. Эта идентичность, хотя и не ориентируется целиком на индивидуальное языковое поведение, как видно из определения 1990 г., тем не менее, связана с языком: «Человек считается испанского происхождения, если его предками являются мексиканцы, амеро-мексиканцы, чиканосы, пуэрториканцы, доминиканцы, эквадорцы, гватемальцы, гондурасцы, никарагуанцы, перуанцы, сальвадорцы, а также выходцы из других испаноязычных стран Карибских островов, Центральной и Южной Америки или Испании» [4]. Эта категория постепенно расширялась и в переписи 2010 г. включала, помимо перечисленных выше, отдельно подкатегории *Кубинцы, Костариканцы, Панамцы, Прочие центральноамериканцы, Аргентинцы, Боливийцы, Чилийцы, Колумбийцы, Парагвайцы, Уругвайцы, Венесуэльцы, Прочие южноамериканцы и Испанцы*.

Таким образом, Бюро переписи определяло испанское происхождение на основе категорий, связанных с национальными идентичностями, которые, в свою очередь, связаны с испанским языком. Такой способ определения, во-первых, ведёт к официальному непризнанию расового, культурного и языкового

разнообразия внутри этих наций, многие из которых имеют значительное автохтонное или иммигрантское население, не говорящее по-испански. Во-вторых, он преувеличивает значение иностранного происхождения людей, отнесённых к категории *Испанское происхождение*, которые оказались навечно связаны с иностранными государствами, независимо от того, сколько поколений их предков жили в США (как, впрочем, и расовые категории *Китайцы* и *Корейцы*). В-третьих, все языки, кроме английского, считались «неамериканскими», а поскольку определение испанского происхождения основано на испанском языке, идентичность людей, отнесённых к этой категории, считалась менее американской.

В этой постоянно изменяющейся классификации *Латиносов* язык неизменно составлял важный компонент индивидуальной идентичности и играл ключевую роль в формировании расовой категории *Прочие*, составившей третью ступень американской иерархии различий. Хотя эта конструкция эволюционировала в направлении от наследуемой к поведенческой характеристике, испанский язык оставался маркером испанского происхождения даже для тех, кто не нём не говорил. Испанское происхождение было идеологически связано с физическими характеристиками, а дискурсивно оно рассматривалось как наследуемое и долговечное.

Такое положение сохранялось до 1960-х годов, когда США изменили свою миграционную политику: до этого, иммиграционные квоты поощряли иммиграцию европейцев, а новые законы открыли дорогу иммигрантам из стран Азии и Латинской Америки. Приток людей, в расовом и культурном отношении отличных от коренного населения, вызывал беспокойство по поводу их способности к ассимиляции и их влияния на американскую идентичность. В то же время, доминирующий дискурс о понятиях раса, этничность и язык, а также их юридический статус существенно изменились: расовая дискриминация уже была незаконной и было нельзя делать публичные заявления о биологических различиях разных групп. Среди людей разного происхождения укреплялось желание строительства в США мультикультурной нации, и этот тренд нашёл отражение в решении Бюро переписи позволить респондентам самоидентифицироваться с более чем одной расовой группой в переписи 2000 г. Одновременно оно признало символическую этническую аффилиацию, которую мог указать себе любой респондент и которая свидетельствовала о более толерантном отношении США к проблеме идентичности.

РОЛЬ ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Сегодня идеологической базой различий между группами являются не физические признаки, а культурные характеристики. Этот переход привёл к появлению нового дискурса маргинализации: ответственность за социально-экономическое угнетение возлагается на самих угнетённых, якобы не желающих принимать культурные ценности и поведение, которые ведут к социальному и экономическому успеху.

В этом процессе идеологической эволюции язык выполнял двойную роль: с одной стороны, он продолжает выполнять роль маркера расовых идентичностей, в частности, для латиносов и азиатов. С другой стороны, связь язык – раса была разорвана, и язык стал компонентом культуры и предметом индивидуального выбора. Эта двойственность языка как наследуемой характеристики и как культурного компонента привела к дискриминации по языку, пришедшей на смену расовой дискриминации. Поскольку язык является переменным признаком, дискриминация, основанная на языке, считается менее вредной, чем дискриминация, основанная на постоянных признаках, таких как раса и гендер. Эта же двойственность мешает юридическому признанию языковых прав и судебным решениям в пользу двуязычных истцов, которым запрещают использовать неанглийские языки на работе [1997, Cameron C.].

Несмотря на широкую поддержку средним классом языкового разнообразия и мультикультурализма, враждебность по отношению к двуязычию сохранялась, а связь между мооязычием на английском и американской идентичностью остаётся сильной. Поскольку в соответствии с доминирующей либеральной идеологией языки находятся в постоянной конкуренции, все они, кроме английского, считаются угрозой национальной и культурной идентичности и национальному единству. Сценарии переписей конструируются так, что английский подаётся как «нормальный» язык, а остальные языки представляются как исключение из этой нормы. Ответ о нескольких неанглийских языках не допускается. Целью переписей было определение численности респондентов с ограниченными компетенциями в английском, а не тех, кто дома говорит на другом языке. В результате, двуязычие многих респондентов не было зарегистрировано при обработке результатов, потому что они заявили, что дома говорят по-английски. Эти ответы были исключены из итоговых таблиц, что понизило численность носителей других языков. Акцент на носителей английского делался из-за гегемонического представления о США как об англоязычной нации, целью которой была ассимиляция и инклюзия в англоязычный социум. Владение другими языками является личным делом каждого гражданина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ обращения с языковыми данными в истории американских переписей показывает, что их целью была не столько количественная оценка объективной языковой реальности, сколько применение разных идеологий к отношениям между национальной идентичностью, языком и расой. Рассматривая роль языка в построении американской идентичности, нужно отметить, что изначальное отсутствие языковых вопросов совпало с периодом относительной толерантности к языковому разнообразию, в течение которого главным маркером различий была раса, определяемая по цвету кожи. Когда американская идентичность стала связываться с английским языком, в переписях появились вопросы о языках. В это же время иммиграция стала рассматриваться как проблема,

что привело к закрытию границ. Сегодня доминирующая идеология позиционирует США как моноязычную англоязычную нацию, другие языки представляются как угроза национальной идентичности и как средство социальной изоляции и индивидуальной ответственности. Эта схема только усиливается от переписи к переписи [Leeman J. 2004: 527-529].

ИСТОЧНИКИ

1. Gibson C., Jung K. Historical Census Statistics on Population Totals By Race, 1790 to 1990, and By Hispanic Origin, 1970 to 1990, For The United States, Regions, Divisions, and States. Working Paper Series № 56. Washington, DC: US Census Bureau, 2002. Available at:

<http://www.census.gov/population/www/documentation/twps0056.html> (accessed: 04.01.2021).

2. Theodore Roosevelt's Stance on Immigrants (1907). Available at: <https://www.liveabout.com/what-theodore-roosevelt-said-about-immigrants-3957346> (accessed: 02.02.2021).

3. US Census. 13th Census of the United States (1910). Vol. 1 (Population). Washington, DC: Government Printing Office, 1913 // Available at: https://archive.org/details/1910_census (accessed: 11.01.2021).

4. US Census. Development of Racial and Ethnic terms for the 1990 Census. New Orleans: Population Association of America, 1998.

5. US Census. Measuring America: The Decennial Censuses From 1790 to 2000. Washington DC, 2002. Available at:

<http://www.census.gov/prod/2002pubs/pol02marv-pt2.pdf> (accessed: 05.01.2021).

6. US Senate Immigration Commission (Dillingham Commission). Abstracts of the Immigration Commission, with Conclusions, Recommendations and Views of the Minority. Vol. 1. Washington, DC: Government Printing Office, 1911. 864 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Переписи населения в США и расовый вопрос // *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2019. № 6 (48). С. 5-21. DOI: 10.31857/S032120680005176-7

REFERENCES

Bonfiglio P. T. Race and the Rise of Standard American. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. 258 p.

Cameron C.D.R. 1997. How the García cousins lost their accents: Understanding the language of Title VII decisions approving English-only rules as the product of racial dualism, Latino invisibility, and legal indeterminacy // *California Law Review*. 1997. № 85. P. 1347-1393.

Curry-Stevens A. & Coalition of Communities of Color. The Slavic Community in Multnomah County: An Unsettling Profile. Portland, OR: Portland State University, 2014. 87 p.

Jacobson M.F. Whiteness of a Different Color: European Immigrants and the Alchemy of Race. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 338 p.

Leeman J. Racializing language. A history of linguistic ideologies in the US Census // *Journal of Language and Politics*. 2004. Vol.3(3). P. 534.

Marusenko M.A., Marusenko N.M. Population censuses in the United States and the racial issue // *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2019. No. 6 (48). PP. 5-21. DOI: 10.31857/S032120680005176-7

Pavlenko A. "We have room but for one language here": Language and national identity at the turn of the 20th century // *Multilingua*. 2002. № 21. P. 163-196.

Rodríguez C. Changing Race: Latinos, the Census, and the History of Ethnicity in the United States. New York: New York University Press, 2000. 283 p.

Skutnabb-Kangas T., Dunbar R. Indigenous Children's Education as Linguistic Genocide and a Crime Against Humanity? A Global View // *GálduČála – Journal of Indigenous Peoples Rights*. 2010. № 1. 128 p.

Urciuoli B. Exposing Prejudice: Puerto Rican Experiences of Language, Race, and Class. Boulder, CO: Westview, 1996. 244 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

МАРУСЕНКО Михаил Александрович, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; главный научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

МАРУСЕНКО Наталия Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; старший научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Mikhail A. MARUSENKO, DSc (Philology), Professor, St-Petersburg State University; Research Director, Hertzen State Pedagogical University of Russia.

48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia

Natalia M. MARUSENKO, PhD (Philology), Associate Professor, St-Petersburg State University; Senior Researcher, Hertzen State Pedagogical University of Russia

48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia

Статья поступила в редакцию / Received 5.08.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 20.08.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 22.08.2021.